

МНЕ СНОВА ДВАДЦАТЬ СЕМЬ

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Мне снова двадцать семь

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Мне снова двадцать семь / А. Сунгурский — «Автор», 2026

За месяц до золотой свадьбы Алевтина Воронцова просыпается двадцатисемилетней. Ей снова легко бегать, старая одежда велика, а собственная дочь выглядит старше неё. Только память осталась прежней. И муж Роман, с которым она прожила пятьдесят лет, тоже не помолодел. Аля хочет научиться рисовать, носить яркое и наконец выяснить, чего хочется ей самой. Роман мечтает продать дачу и хоть раз уехать отдыхать без списка починок. Дети пытаются помочь — и незаметно начинают решать за родителей. Пока семья готовится к юбилею, Аля берётся за свою первую настоящую работу в печатной мастерской. Новое тело обещает многое, но ни умения, ни смелость признавать ошибки к нему не прилагаются. А дома всё труднее отличить заботу от привычки распоряжаться друг другом. Тёплый роман с юмором о втором шансе, который достался одному человеку, а учиться жить с ним приходится всей семье.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Двадцать семь	5
Глава 2. Старшая дочь	10
Глава 3. Ничего не покупай	16
Глава 4. Один раз и навсегда	22
Глава 5. До субботы	27
Глава 6. Белое место	33
Глава 7. Пойдём пешком	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

А.М. Сунгурский

Мне снова двадцать семь

Глава 1. Двадцать семь

Роман поднял глаза от телефона и спросил:

— Вы к кому?

Аля остановилась в дверях кухни. Правая рука всё ещё держала халат на груди, хотя пояс был завязан. За то время, пока она шла от ванной, узел успел сползти на бедро; раньше пояс всегда находил на ней место и оставался там.

— Рома.

Он посмотрел на неё внимательнее. Потом встал, отодвинув стул так резко, что ножка ударила по батарее.

— Алевтина!

Она хотела сказать, что кричать не надо. Именно так и хотела — с привычным утренним раздражением, потому что в соседней квартире ребёнок ещё спал, а Роман, когда пугался, делался громче всех. Но он звал её так, будто она находилась в другой комнате, и Аля не смогла произнести ни слова.

В чашке перед ним плавал чайный пакетик. Он уже положил себе две ложки сахара, а третью, полную, держал над чашкой. Сахар посыпался на клеёнку.

— Она где? — спросил он.

— Здесь.

Аля показала на себя. Нелепо, всей ладонью, будто представлялась на собрании. Роман опустил ложку.

— Филя привёл?

— Нет.

— Тогда как вы вошли?

Она опёрлась о косяк. Под пальцами была знакомая неровность: в прошлом году он красил дверь и обещал потом пройти шкуркой. Пятно краски выпирало маленьким твёрдым язычком. Аля провела по нему ногтем, и от этого простого движения стало легче. Дверь была прежняя. Кухня была прежняя. Рома стоял в серой футболке, надетой наизнанку, и не узнавал её.

— Я проснулась. Пошла умыться. Посмотрела в зеркало.

Он не ответил. Оставил телефон на столе, словно боялся выпустить её из виду, и боком прошёл мимо. Она прижалась к косяку, давая ему место.

В спальне он позвал её ещё раз. Тише.

Аля слышала, как скрипнуло кресло. Он отодвинул его, хотя за креслом не могла спрятаться даже девятилетняя Леся, когда приезжала в гости. Потом распахнул дверцу шкафа.

— Ром, ты чего там ищешь?

— Подождите.

Она вернулась на кухню и села на свой стул у окна. На столе лежал список гостей. Вчера Ирина прислала окончательный вариант, Аля переписала его от руки и обнаружила, что дочь забыла Римму. Дочь никого не забыла: Римма стояла в строке «мамины», вместе с неназванными людьми, которых предлагалось вписать позже. Но Але это не понравилось, и они минут десять спорили по телефону, после чего Роман сказал, что до их золотой свадьбы они могут и не дожить, если продолжают делить живых гостей на категории.

Теперь внизу списка виднелась её вчерашняя приписка: «Римма одна, Борис двое?» Она узнала нажим, сорванную верхушку буквы и синее пятно на точке. Затем увидела руку, лежащую рядом с бумагой.

Кожа была гладкая. Косточки выступали меньше, чем вчера. На среднем пальце осталась небольшая рабочая неровность сбоку, но длинного белого следа возле запястья не было. Аля повернула кисть. Провела по месту, где когда-то рассекла кожу разбитой банкой.

Банку разбил Тимоша. Он только пошёл в школу, залез за вареньем и уронил её с полки. Она сама тогда вытирала пол, не позволив ему трогать осколки, а потом три дня сердито держала руку над раковиной, когда мыла посуду.

След исчез.

Роман вернулся. В спальне осталась гореть люстра.

— Так, — сказал он. — Давайте спокойно.

Аля подняла на него глаза. С утра у него всегда припухали веки, а седые волосы на правой стороне стояли почти вертикально. Она привыкла, что он замечает это уже после завтрака, у зеркала в прихожей, и приглаживает мокрой ладонью. Сегодня ему было не до волос.

— Я пытаюсь, — сказала она.

— Где моя жена?

— Рома. Я твоя жена.

Он посмотрел на лежавшую на столе руку. Потом на халат.

— Это её.

— Моё.

— Вы снимите.

Аля уставилась на него.

— А под ним у меня что, по-твоему?

Он отвёл глаза. Сразу, привычно, не успев решить, верит ей или нет. И она неожиданно разозлилась. Встала, подтянула узел халата и протянула ему телефон, который оставила на подоконнике.

— Код знаешь. Открой.

— Телефон ничего не значит.

— Значит, что я его не украла у тебя из кармана. Он мой. Открой.

Роман взял аппарат. Набрал шесть цифр, медленно, одним указательным пальцем. На экране появилась фотография Леси возле качелей. Он посмотрел, затем положил телефон возле сахарницы.

— Как зовут её мать?

— Ром, ты сейчас про мою маму или про Лесину?

— Вашу.

— Серафима. Ты называешь её тёщей, когда сердит на меня, хотя она двадцать четыре года как умерла. Последний раз в субботу, когда я не дала тебе переставить шкаф. Точно тем же тоном, что она.

Роман сел.

Аля тоже села. Слова вышли слишком легко, почти по-домашнему. От этого сделалось ещё страшнее: будто она могла продолжить обычную семейную ссору, а он останется на другой стороне стола, один на один с молодой женщиной в халате его жены.

— Ириша знает? — спросил он.

— Я ещё никому не звонила.

— Кому-нибудь надо.

— Знаю.

За окном скрежетнула мусоровозная машина. Мужчина в оранжевом жилете вышел во двор и потянул контейнер. Аля смотрела, как колёса подпрыгивают на трещине асфальта. У

него был обыкновенный рабочий день, и ей хотелось крикнуть, чтобы он остановился и объяснил, как можно дальше тянуть контейнер, когда такое случилось.

Роман кашлянул.

— Голос другой.

Она сглотнула. Голос действительно стал выше и звонче. Сначала, в ванной, ей показалось, что это от страха. Она сказала зеркалу «ну хватит» и услышала себя из старой записи, где поздравляла Ирину с первым сентября. Только сейчас между ней и этим голосом не было ни магнитофона, ни шипения плёнки.

— Наверное, — ответила она.

Он посмотрел на её шею. Она машинально прикрыла её краем халата.

— Тебе холодно? — спросил он.

Аля покачала головой.

Он впервые обратился к ней на «ты» и не поправился. Она ещё боялась радоваться: всё могло оборваться от какого-нибудь лишнего движения.

— Вчера... — начал он и замолчал.

Аля ждала.

— Вчера ты чем ужинала?

— Тем же, чем ты. Картошкой, огурцом и твоим неприятным выражением лица.

— Аля.

Имя он произнёс осторожно. Она закрыла рот, потому что губы внезапно задрожали.

— Что?

— Только давай сейчас без этого.

Она кивнула. Стянула со стола край бумажного полотенца, оторвала неровный кусок и прижала к глазам. Бумага пахла картоном. Роман потянулся, хотел взять её за локоть, но остановился прежде, чем прикоснуться.

— Можно? — спросил он.

Она посмотрела на его протянутую руку. Большой палец согнулся не до конца; сустав беспокоил его с зимы. На тыльной стороне лежала россыпь тёмных пятнышек. Ей никогда прежде не приходило в голову разглядывать руку мужа отдельно от него самого.

— Рома, — сказала она. — Да что ты.

Он положил ладонь ей на предплечье.

Тепло было обыкновенное. Ни толчка, ни внезапного возвращения к прежнему лицу. Его короткие пальцы чуть сжали её предплечье, а потом он начал гладить её по руке, всё в одном месте, как гладят испуганного ребёнка, не зная, где у него болит.

Аля заплакала. Не всхлипнула и не закрыла красиво лицо ладонями, а заплакала сразу, с разжатым ртом, так что дышать стало неудобно. Он подвинул к ней сахарницу, затем понял, что нужна вода, поднялся, нашёл стакан и долго держал под краном, пропуская тёплую.

— Я не знаю, — говорила она. — Ромка, я ничего не знаю.

— Сейчас, — ответил он. — Сейчас.

Вода лилась мимо стакана. Он заметил это, выругался вполголоса и закрыл кран.

Через двадцать минут они стояли перед зеркалом в прихожей.

Аля умылась и надела домашнее платье. Оно раньше сидело свободно, теперь висело на ней чужой вещью. Она заколола ткань на талии двумя английскими булавками, а рукава оставила как есть. Волосы доходили почти до плеч — тёмные, густые, без вчерашней краски у корней. Именно это пугало её больше гладкой кожи. Кожу ещё можно было попытаться принять

за оптический обман. Волосы она вчера вечером сама накручивала на две большие липучие бигуди; они были короче, реже и плохо слушались на затылке.

Роман держал раскрытый альбом. На фотографии Аля стояла возле деревянной горки, прижимая к боку годовалого Тимошу. Рядом Ирина шурилась на солнце. Снимок пожелтел по краям; младший ребёнок тянул за ворот её платья, а старшая дочь держала в руке неизвестно зачем снятую сандалию.

— Восемьдесят пятый, — сказал Роман.

Аля знала. Она вспомнила тот день не целиком, а запахом нагретой горки и обидой: Роман обещал вернуться к обеду, но приехал позже, и дети успели устать до того, как он достал фотоаппарат. На самом снимке никакой обиды не было. Она смотрела в объектив, молодая, сильная и уже тогда невыспавшаяся.

— Двадцать семь, — сказала она.

Роман подвёл альбом ближе к зеркалу, но отражение сделало фотографию неудобной для сравнения. Он развернул её обратно, потом встал рядом с женой, держа снимок перед собой.

От этого им пришлось увидеть себя вместе.

У Али оборвался ещё не начавшийся вопрос. Она была ниже мужа, как и всегда. Левое плечо чуть опущено, на правой щеке при улыбке — небольшая ямка, которую она давно перестала замечать. Рядом стоял Роман с седой головой, глубокими складками возле рта и той особенной осторожностью в шее, с какой он в последнее время поворачивался к собеседнику.

Он закрыл альбом.

— Ире позвоним.

Аля не стала его удерживать. Сама достала телефон и набрала дочь.

Ирина ответила не сразу. В трубке что-то зашуршало, потом прозвучало короткое:

— Мам, я выхожу уже. Что там со списком?

— Ириш, ты можешь к нам приехать?

— Когда?

— Сейчас.

Шорох прекратился.

— С папой что?

— С папой ничего. Со мной.

Роман стоял у стола в прихожей. Альбом лежал перед ним, закрытый, и он разглаживал ладонью выпуклую обложку.

— Что у тебя? Давление? — спросила Ирина.

— Я не знаю.

— Мама, конкретно. Где болит?

Аля посмотрела на мужа. Он поднял голову. Ей захотелось попросить, чтобы он объяснил, но она уже знала: объяснить пока нечего, кроме того, что есть.

— Нигде не болит.

— Тогда почему ты так говоришь?

— Потому что я... Ира, лучше приезжай.

— Папе трубку дай.

Она передала телефон. Роман выслушал, сказал «да» и «нет», затем посмотрел на жену и отвёл глаза.

— Не по телефону. Ты приезжай, а на работу я тебе такси вызову. Или сам отвезу.

Ирина заговорила громче. Аля слышала отдельные слова: «не шутите», «со вчера», «скорую». Роман терпеливо держал трубку у уха.

— Если бы ей было плохо, я бы уже вызвал. Она ходит, разговаривает. Ира. Приезжай.

Он закончил разговор и вернул телефон.

— Через полчаса будет.

— Она испугалась.

— Естественно.

Аля кивнула. Ей нужно было что-то сделать до приезда дочери. Убрать со стола, найти паспорт, достать вчерашнюю фотографию, на которой видно прежнее лицо. Дел оказалось много, и все неотложные. Она пошла в спальню за сумкой, но на полпути остановилась.

Кольца на пальце не было.

Она подняла руку к глазам, затем другую. Вспомнила, что вечером сняла его, когда мазала руки кремом. Кольцо лежало на маленьком блюде возле кровати, вместе с серёжкой, которую давно надо было отнести в ремонт. Всё осталось на месте.

Аля надела кольцо. Оно прошло легче обычного. Она согнула палец, разогнула и попробовала встряхнуть кисть. Кольцо не слетело, но двигалось свободно.

Роман появился в дверях.

— Нашла?

— Пока не потеряла.

Он подошёл. Взял её руку, посмотрел на кольцо и осторожно повернул его. На гладком золоте была маленькая косая царапина. Когда она появилась, Аля не помнила; заметила уже после того, как перестала снимать кольцо перед каждой работой.

— Спадает?

— Нет. Просто свободно.

— На цепочку можно. Пока.

Она хотела ответить, что ничего снимать не будет, но он уже отпустил руку. Не настаивал. Сел на край кровати, будто только теперь почувствовал, что всё утро стоит.

Аля осталась перед ним. Ей хотелось спросить, страшно ли ему. Не нравлюсь ли я тебе. Нравлюсь ли. Который из этих вопросов хуже, понять не получалось.

Роман поднял глаза.

— Ты ела?

Она покачала головой.

— Я тоже, — сказал он. — Чай один сладкий выпил.

Аля посмотрела на часы. До приезда Ирины оставалось минут двадцать.

— Яйца сварить?

— Давай.

Она пошла на кухню, достала маленький ковшик и поставила под кран. Воды налилось слишком много: он всегда ворчал, что ради двух яиц незачем греть половину кастрюли. Аля отлила немного, потом вспомнила, что Ирина тоже наверняка не завтракала, и достала третье.

Роман вошёл следом. Молча взял у неё ковшик, чтобы поставить на плиту. В этот раз руки у него не дрожали.

Глава 2. Старшая дочь

Ирина сначала решила, что мать с отцом поссорились. Пока ехала, успела придумать ссору, её причину и порядок действий: сначала выслушать обоих, не соглашаясь ни с одним, затем отвезти мать на работу к Римме, а отцу оставить какое-нибудь понятное занятие. До их юбилея оставался месяц, ресторан уже держал стол, Тимофей собирался приезжать с семьёй. В такой момент родители могли испугаться собственного праздника и начать выяснять, зачем прожили вместе столько лет.

Эта версия продержалась до двери.

Отец открыл сразу. В коридоре пахло яйцами и чем-то сладким. Он был одет в домашние брюки, футболка сидела наизнанку. Ирина привычно потянулась поправить загнутый ярлык, но он отступил.

— Иди. Только спокойно.

— Пап, если ты ещё раз скажешь «спокойно»...

Она не договорила. Молодая женщина стояла возле кухни и смотрела на неё, прижав к животу кухонное полотенце.

Первой мыслью было, что женщина похожа на мать. Не теперь, конечно, а на фотографии. Второй — что отец уже успел кому-то открыть и впустить в дом постороннюю, пока мать куда-то ушла. Третьей мысли не получилось.

— Ириш, — сказала женщина.

Ирина посмотрела на отца. Он молчал.

— Что это?

— Я тоже так спросил, — ответил он.

Женщина опустила полотенце. На ней было мамино синее платье с двумя булавками на талии. Ирина сама покупала его три года назад: тогда им пришлось зайти в четыре магазина, потому что мать искала платье, в котором можно и встретить гостей, и полезть за банкой на верхнюю полку. У молодой женщины оно обвисало на плечах.

— Мама где?

— Вот, — сказал отец.

Ирина сняла сумку с плеча, затем опять повесила. Посмотрела на телефон. На работе от неё ждали код от шкафа с расходными материалами; ключ остался у ночной уборщицы, а та не отвечала. Она написала четыре цифры в рабочий чат. Исправила одну: пальцы попали не туда.

— Я не понимаю, что вы делаете, — сказала она.

Женщина шагнула к ней. Ирина отступила, упёрлась спиной в закрытую дверь и подняла ладонь.

— Не надо.

Та остановилась.

Отец вздохнул. Развернулся, взял с маленького столика альбом и раскрыл на знакомой странице. Ирина увидела себя с сандалией в руке. В детстве ей было стыдно за этот снимок: казалось, что все должны заметить её кривую чёлку и голую ступню. Потом стало всё равно. Сейчас она смотрела только на мать, державшую Тимошу.

— Вы похожи, — сказала она женщине. — И что?

Женщина сжала полотенце.

— У тебя вчера опять голова болела. Ты сказала, что из-за дождя. Я попросила не ехать после работы за салфетками. Ты ответила, что у них доставка дороже самих салфеток, и всё равно поехала.

Ирина закрыла глаза.

Это можно было узнать. Прослушать, прочитать, услышать от отца. Она понимала, насколько нелепо придумывать прослушивание ради собственной матери, но ещё нелепее было согласиться с тем, что перед ней стоит она.

— Телефон дай, — сказала Ирина.

Женщина протянула аппарат. Ирина открыла последние фотографии, нашла вчерашний снимок: мать примеряла к платью цепочку, отец сидел на заднем плане возле окна. Обычная пожилая женщина с красивым ещё, но усталым лицом. Снимок был сделан вечером.

Ирина подняла глаза.

— Повернись.

Женщина повернулась. Убрала волосы за ухо прежде, чем Ирина попросила, и от этого у Ирины задрожали колени. Мать всегда так делала, когда ждала замечания о волосах или серьгах: чуть поднимала подбородок и убирала прядь одним нетерпеливым движением.

— Мам?

— Я.

Ирина подошла. Потрогала её щеку пальцами, будто можно было снять чужое лицо, не причинив боли. Кожа была тёплая. Молодая женщина терпеливо стояла, глядя ей в глаза. У неё были мамины глаза — не цвет, не разрез, а то, как она начинала сердиться, когда её рассматривали слишком долго.

— Всё, — сказала мать. — Я сейчас не выдержу второй раз.

Ирина обняла её.

Сначала слишком сильно, за шею. Потом перехватила ниже, и стало хуже: плечи оказались другими, под ладонью не было привычной мягкой полноты. Она помнила это тело маленькой девочкой, когда могла обнять мать только за ноги, но давно не имела к тому воспоминанию доступа. Теперь оно вернулось без спроса, и Ирина заплакала, уткнувшись в ткань синего платья.

— Ну что ты, — говорила мать. — Ну Ириш. Перестань. Я же тут.

Ирина плакала сильнее. Она приехала помогать старым родителям, а стояла на пороге и плакала у молодой матери на плече.

На работу она позвонила из ванной. Долго не могла найти слова, которые не прозвучали бы как начало семейной трагедии. Сказала в конце концов, что у матери внезапная проблема со здоровьем и сегодня она не придёт.

Старшая администратор выслушала молча.

— Хорошо. Разберёмся. Только ты мне скажи, где ведомость по лаборатории.

Ирина объяснила. Попыталась ещё раз извиниться, но её перебили: уже поняли, иди занимайся мамой. В трубке заговорил пациент, и связь оборвалась.

Она опустила телефон.

На полке возле зеркала стояла мамина косметичка, из которой торчала расчёска. Ирина достала её, хотя не собиралась причёсываться. В зубьях застряли короткие окрашенные волосы. Она посмотрела на них и убрала расчёску обратно, будто потрогала что-то, чего трогать не следовало.

На кухне мать чистила яйца. Отец нарезал хлеб. Их движения выглядели настолько обычными, что Ирина на секунду подумала: всё остальное ей показалось, сейчас мать повернётся, и лицо окажется прежним.

— Садись, — сказала та.

Ирина села. Взяла яйцо, но есть не смогла.

— Нам надо к врачу.

— Я понимаю.

— Не к знакомой тёте, не кому-нибудь в интернете. Нормально. Осмотр, анализы, всё, что скажут.

Мать посмотрела на неё.

— Я ещё ничего другого и не предложила.

— Потому что я тебя знаю.

Отец отрезал ещё хлеба.

— Ира, дай ей позавтракать.

Ирина посмотрела на тарелку. Перед матерью лежали две половинки яйца. Одну она посыпала солью так же, как всегда: встряхнула солонку, подождала, встряхнула ещё раз и стряхнула лишнее пальцем на тарелку. Ирина вдруг захотела, чтобы она перестала делать знакомые вещи. Каждая заставляла заново признавать то, что не умещалось в голове.

— Где паспорт?

Мать поднялась, но отец остановил её.

— Поешь. Я принесу.

Он вернулся с сумкой, положил на стол кошелёк, очечник, упаковку бумажных платков и два одинаковых чека. Паспорт нашёлся в боковом кармане. Мать потянулась забрать вещи, чтобы не лежали рядом с едой, но Ирина уже открыла документ.

Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год. Имя, отчество, место рождения. Фотография женщины, которой было сорок пять. Она выглядела моложе, чем вчера, и намного старше, чем сейчас.

— Ты давно его меняла?

— В сорок пять.

— Господи.

— Я не виновата, что он потом не требовал замены каждые пять лет.

Ирина закрыла паспорт.

— Я не про это.

Она позвонила в небольшую клинику, куда сама ходила к терапевту. На сегодня оставалось окно после обеда. Администратор попросила данные пациентки; Ирина начала называть и остановилась.

— Ей шестьдесят восемь, — сказала она. — Но есть сложность с внешностью и документом. Можно заранее предупредить врача?

Мать протянула руку к телефону.

— Дай я сама.

Ирина хотела отмахнуться, но отец посмотрел на неё. Она передала аппарат.

Мать представилась. Назвала дату рождения, затем очень медленно сказала, что с утра её внешность изменилась до неузнаваемости, а удостоверяющий документ остался прежним. На том конце долго молчали. Мать не стала заполнять паузу. Потом ответила на несколько вопросов и попросила записать номер, чтобы ей перезвонили после разговора с врачом.

Она положила телефон возле чашки.

— Сказали, уточнят.

— Я бы быстрее объяснила, — сказала Ирина.

— Что?

Ирина не ответила. В её руках паспорт оказался тяжёлым и бесполезным. Она положила его на чистую салфетку.

В машине мать сидела сзади. Ирина села рядом с ней, хотя обычно занимала переднее место. Отец посмотрел на обеих в зеркало, завёл двигатель и выехал из двора.

К этому времени клиника перезвонила. После разговора с терапевтом согласились принять их для первичного осмотра и отдельно разобраться с оформлением сведений. Никто не пообещал объяснить случившееся. Мать сказала «спасибо» и впервые за всё утро пошла выбирать, в чём выйти на улицу.

Выбирать было почти не из чего. Чёрные брюки держались на ремне, кофту она заправила, чтобы не висела слишком длинно. Ирина дала ей свои белые кроссовки, лежавшие в машине с прошлой недели. Мать обулась и сделала несколько шагов по прихожей.

— Удобные.

— Естественно. Я другие и не ношу.

— Ты мне всё говорила, что у тебя нога уже моей.

Ирина посмотрела на её ноги. Кроссовки действительно пришились впору.

Теперь они ехали по Перми, и мать всё время отворачивалась к окну. На одном перекрёстке водитель соседней машины посмотрел на неё. Она заметила и быстро откинулась на спинку сиденья.

— Что? — спросила Ирина.

— Ничего.

Ирина тоже посмотрела в окно. Водитель уже отвернулся. Обычный молодой мужчина, ничего особенного. Мать сидела, скрестив руки на груди, и смущённо улыбалась.

Ирина почувствовала раздражение. Оно было настолько неуместным, что пришлось смотреть на собственные колени, пока не прошло.

В клинике их провели в кабинет без долгого ожидания в общем коридоре. Терапевт, женщина лет пятидесяти, сначала разговаривала с матерью одна. Ирина осталась возле двери и достала телефон. Рабочий чат за это время успел разобраться с ведомостью, заменить запись одного пациента и потерять её снова. Она хотела вмешаться, но убрала телефон.

Отец сидел рядом. На коленях у него лежал альбом в пакете.

— Ты его зачем взял?

— Покажем.

— Врачам фотографии ничего не доказывают.

— Пусть посмотрят.

Он держал пакет двумя руками. Ирина подвинулась ближе.

— Пап, ты как?

— Пока сию.

Она не стала уточнять.

Их позвали минут через двадцать. Мать сидела возле стола, рукав кофты был закатан. Врач попросила отца рассказать, когда он видел её обычной в последний раз. Потом спросила Ирину о вчерашнем разговоре. Разговаривала спокойно, но не так, будто всё уже знала и оставалось только подобрать для них понятные слова.

— Я вижу человека, который по внешности значительно моложе даты в этом паспорте, — сказала она. — И слышу рассказ о непрерывной памяти. Это разные сведения. За один приём я не могу ни установить причину, ни подтвердить все обстоятельства.

— Но она не... — Ирина запнулась.

— Что именно?

— Ну, не опасно ей сейчас?

Врач объяснила, что по обычному осмотру не обнаружила признаков состояния, требующего немедленной госпитализации, но это не равнозначно ответу на всё случившееся. Назначила обследования, попросила принести прежние результаты и записала, какие изменения мать сама заметила. Не употребила слово «омоложение» как готовый диагноз.

Отец достал альбом. Раскрыл на фотографии у горки, затем нашёл ещё одну: они с матерью на кухне старой квартиры, она держит раскрытую ткань, он смотрит в сторону окна. Врач долго разглядывала снимки.

— Это полезно оставить в копиях, — сказала она.

— Оригиналы у нас, — сразу ответил отец.

— Конечно.

Мать сидела прямо, сцепив руки. Ирина заметила, что ей хочется спросить о зубах: она всё время проводила языком по внутренней стороне щеки. Но мать почему-то стеснялась. Ирина открыла рот, чтобы спросить за неё, и вовремя остановилась.

— У меня ещё, — сказала мать сама. — Там, где была коронка... Я не понимаю. Надо, наверное, отдельно посмотреть.

Врач кивнула и записала.

Когда они вышли из кабинета, отец первым спросил:

— Что-нибудь понятно?

Мать поправила рукав.

— Нет.

— А денег сколько?

Ирина назвала сумму за сегодняшнее. Отец кивнул, достал карту и пошёл к стойке. Мать осталась с дочерью.

— Я сама могла заплатить.

— Знаю.

— Он так любит. Когда не знает, что делать.

Ирина посмотрела на отца. Тот внимательно слушал администратора, наклонившись к стеклянной перегородке. Мать говорила без насмешки, почти нежно.

— Пусть, — добавила она.

Домой вернулись после четырёх. В подъезде пахло жареным луком. У лифта их догнала соседка с нижнего этажа с двумя пакетами. Отец придержал для неё дверь кабины.

— Роман Михайлович, здравствуйте. А Алевтина дома?

Мать остановилась рядом с Ириной.

— Мы сейчас к ней, — ответила Ирина раньше, чем успела подумать.

Соседка кивнула. Посмотрела на молодую женщину, потом на отца, но ничего не спросила.

В квартире мать сняла кроссовки и поставила их у стены носками в одну сторону. Ирина закрыла дверь.

— Прости. Я не знала, что сказать.

— Я тоже.

Мать не сердилась, и это почему-то было неудобно. Ирина хотела получить простое замечание, ответить, что нельзя всем сразу рассказывать, и заняться обедом. Вместо этого они стояли друг перед другом, обе усталые.

— Тиме надо позвонить, — сказала мать.

Ирина представила разговор с братом. Он сначала будет смеяться. Потом попросит включить камеру. Потом начнёт присылать ссылки, каждая из которых будет объяснять совершенно другое.

— Давай вечером. Я тоже буду.

— Ты собиралась домой.

— Теперь не собираюсь.

Отец прошёл на кухню, поставил чайник. Мать подняла с пола один кроссовок, заглянула внутрь, будто искала размер, и снова опустила.

— Ириш, мне бы пока их оставить. Можно?

Дочь посмотрела на обувь. Совсем недавно она выбирала эти кроссовки себе, радуясь, что ноги в них выглядят легче. На матери они сегодня смотрелись лучше. Ирина заметила это ещё в клинике и теперь стыдилась, что запомнила.

— Конечно.

— Я верну.

— Да не надо.

Мать внимательно посмотрела на неё. Ирина почувствовала, как краснеет. Она целый день держалась, задавала вопросы, принимала решения, а сейчас чуть не заплакала из-за кроссовок.

— Мне просто страшно, — сказала она.

Мать кивнула. Подошла и обняла её, на этот раз сама.

— Мне тоже.

Они стояли в узком коридоре. Отец позвал их пить чай, потом увидел через открытую дверь и замолчал. Ирина слышала, как он достаёт третью чашку. Наконец мать отстранилась и погладила её по волосам, как делала, когда Ирина была маленькой и уже считала себя слишком взрослой для такого жеста.

На этот раз Ирина не отодвинулась.

Глава 3. Ничего не покупай

Тимофей ответил из мебельного цеха. За его спиной стоял шкаф без дверей; поверх шкафа лежала красная куртка. Он прижал телефон к уху, хотя Ирина включила видеосвязь, и сказал:

— Да, мам. Только быстро, у меня тут один размер не существует в природе.

— Посмотри на экран, — сказала Ирина.

— А, это ты. Что?

Она повернула телефон. Аля увидела сына и собственное лицо в маленьком прямоугольнике. От картинки ей сделалось неловко: словно она сама поставила телефон перед собой ради того, чтобы все полюбовались.

Тимофей нахмурился.

— Это кто?

Ирина закрыла глаза. Отец с другого конца стола придвинул к себе тарелку с печеньем.

— Твоя мама, — сказала Аля. — Я знаю, как это выглядит.

Сын рассмеялся. Потом посмотрел куда-то за телефон.

— Настя, иди сюда. Маму сделали.

— Кто сделал? — донеслось издали.

— Не знаю. Приложение какое-то.

На экране появилась невестка. Аля с ней ладила, хотя они обе предпочитали объяснять Тимофею одно и то же по отдельности: он тогда соглашался дважды, а выполнял иногда один раз. Настя наклонилась ближе и улыбнулась.

— Алевтина Сергеевна, очень красиво. Вам идёт.

— Спасибо, — ответила Аля. — Только это без приложения.

Она подняла руку, провела ладонью перед лицом. Тимофей попросил повторить. Потом велел повернуться боком. Аля повернулась и тут же рассердилась на себя за послушание.

— Тим, я не стану весь вечер крутить головой. Утром проснулась такая. Врач пока ничего не понимает. Мы тоже. Ты можешь просто выслушать?

Настя перестала улыбаться раньше мужа.

Пришлось рассказать всё сначала. Отец вставлял короткие уточнения; Ирина следила, чтобы мать не смягчала подробностей. Сын несколько раз менял положение телефона, будто с другой стороны камеры ответ мог оказаться понятнее. Наконец вышел из цеха, сел на ступеньку у двери и спросил:

— Мам, а тебе самой сколько?

— Шестьдесят восемь.

— Нет, я понимаю. Я про ощущение.

Аля посмотрела на свои руки. Правая лежала на столе ладонью вверх, совсем не так, как она привыкла её видеть. До сегодняшнего дня Аля, садясь перед кем-нибудь, чаще убирала руки на колени.

— Есть хочется, — сказала она. — И спать. Больше пока ничего не ощущаю.

Тимофей коротко выдохнул. У него дрогнула щека. Он опустил голову, и несколько секунд им была видна только макушка с начинающейся рединой. Аля никогда прежде не замечала, что сын лысеет.

— Я приеду, — сказал он наконец.

— Ты и так собирался.

— Раньше.

— Тим, у тебя сдача кухни в пятницу, — негромко напомнила Настя.

— Ну, значит, после пятницы.

Аля узнала выражение лица невестки и поспешила сказать, что срочно ехать не надо. Они ещё поговорили о врачах, анализах и возможности ошибиться сразу всей семьёй. Тимофей предложил найти специалиста в Екатеринбурге, затем вспомнил знакомого фотографа, способного сравнить снимки. Ирина записывала, хотя ничего определённого пока не прозвучало.

— Только никому не показывай, — попросила Аля. — Не пересылай фотографии, ладно? Я сама ещё к зеркалу подхожу боком.

— Конечно.

— И Лесе мы объясним спокойно, — добавила Настя. — В субботу, когда будем дома. Сейчас она у моей мамы.

Аля кивнула. Ей понравилось, что хотя бы один человек не собирается разобраться со всем до ночи.

Когда попрощались, на кухне стало тихо. Ирина убрала телефон, доела своё печенье и сказала, что завтра приедет к восьми. Отец возразил: он сам отвезёт мать на анализы. Дочь начала объяснять, почему ей удобнее, и вдруг остановилась посреди фразы.

— Хорошо. Тогда сами.

Она ушла с пакетом недоеденного ужина. У двери Аля привычно протянула руку поприветствовать её воротник. Ирина позволила, но внимательно посмотрела на неё, словно проверяла, останется ли жест прежним и завтра.

Кровать обнаружила всё, что за день удавалось обходить.

Аля переодевалась в ванной. Ночная рубашка висела свободно, плечевой шов съехал почти до локтя. Она подняла руки, повернулась перед зеркалом, затем выключила верхний свет и оставила только лампу над раковиной. В таком освещении лицо было ещё незнакомее. Не дочь, не внучка. Она сама в тот год, когда Тимка наконец начал спать до утра, а ей казалось, что самое трудное позади.

Тогда она почти никогда не видела себя целиком. У них было небольшое зеркало над умывальником, и, чтобы разглядеть юбку, приходилось встать на табуретку. Нынешняя женщина в длинном зеркале казалась ей расточительной: на неё уходило слишком много отражения.

Аля провела ладонью по животу. Задержалась на тонкой светлой полоске под пупком. Она помнила её, но давно не думала, что можно узнать себя по чему-то настолько малому. Ни следов новой операции, ни болезненности. Только тело, в котором уже были двое детей и ещё не было сорока одного прожитого года.

За дверью закашлял Роман.

Аля быстро опустила рубашку, как будто муж мог увидеть её через стену.

Он лежал на своей стороне, высоко подложив подушку, и читал с телефона. Очки съехали к кончику носа. На одеяле возле его бедра стояла чашка.

— Уберёшь? — спросила она.

Он торопливо поставил чашку на тумбочку.

— Пустая.

— Тем более зачем в постели?

Он посмотрел на неё поверх очков, и оба с облегчением улыбнулись. Этот разговор был достаточно стар, чтобы в нём не требовалось искать новое место.

Аля легла. Матрас почти не прогнулся под ней. Она поправила одеяло, почувствовала голый ступнёй прохладный край простыни и вытянулась, ожидая знакомого натяжения под коленом. Его не было. Она потянула носок на себя. Потом ещё раз.

Роман продолжал смотреть в телефон, но больше не двигал пальцем по экрану.

— Что ты читаешь?

— Ничего.

— Покажи.

Он нехотя протянул аппарат. Там была фотография какого-то перекошенного забора и сообщение от Бориса: «Вот такой надо было сразу. Один раз и навсегда». Ниже Роман написал: «Навсегда у тебя уже третий».

Аля рассмеялась. Отдала телефон.

— Ты ему сказал?

— Нет ещё.

— А надо?

— Не знаю.

Он снял очки и лёг. Между ними осталось привычное расстояние, но теперь Аля ощущала его как пустое место для ещё одного человека. Она придвинулась, положила руку мужу на плечо. Он вздрогнул.

Она убрала ладонь.

— Прости.

— За что?

— Не знаю.

В темноте она слышала, как он дышит. Раньше, если долго не удавалось уснуть, это ровное дыхание раздражало: ему хорошо, он уже спит, а ей завтра вставать. Теперь она прислушивалась, боясь пропустить движение, которое объяснит, чего он хочет.

Роман повернулся на бок.

— Я тебя узнал, — сказал он. — Днём. Правда узнал.

— А сейчас?

— Сейчас тоже. Только глазами не успеваю.

Аля лежала молча. Ей хотелось услышать, что она красивая. Хотелось так сильно, что стало стыдно: весь день они боялись, а она ждала именно этих слов. Можно было спросить. В двадцать семь она бы спросила, посмеявшись и заранее зная ответ. В шестьдесят восемь не получалось.

Роман накрыл её руку своей и сам положил себе на грудь.

— Так нормально?

— Да.

Некоторое время они лежали, соединённые этим осторожным прикосновением. Аля почувствовала ладонью тепло, редкие волосы под вырезом футболки, привычное движение рёбер. Это был её муж, и она хотела придвинуться к нему ближе. Но он так тщательно держал её пальцы, что просьба показалась бы неблагодарностью.

Позже рука у неё затекла. Она осторожно высвободила её, повернулась спиной и долго смотрела в полосу света под дверью. Роман не спал. Оба это знали и делали вид, что другому уже удалось.

На следующее утро, когда вернулись из клиники, Аля съела два бутерброда стоя. Кровь у неё взяли из правой руки; полоска пластыря натягивала кожу. После вчерашнего сумбурного дня ей казалось, что сегодня непременно должно произойти ещё что-нибудь. Но чайник вскипел в обычное время, почта принесла квитанцию, а Роман стал искать отвёртку для дверной ручки, которая болталась уже неделю.

Аля подошла к зеркалу в прихожей. Волосы были примяты с одной стороны. Она намочила ладони, пригладила их и вдруг поняла, что не хочет ещё один день ходить в одежде, которую приходится придерживать руками.

— Пойду куплю брюки.

Роман присел у ящика с инструментами.

— Давай отвезу.

— Я сама. Тут недалеко.

Он посмотрел на отвёртку, потом на неё. Аля приготовилась объяснять, что магазин не опаснее кухни, но он только кивнул.

— Ключи возьми. Я к Борису собираюсь.

— Сейчас?

— После ручки.

Она почему-то считала, что он весь день будет дома. Сказать об этом было бы странно: она сама только что объявила, что уходит.

— Хорошо.

В лифте Аля нажала кнопку первого этажа и стала ждать. Двери закрылись, кабина дёрнулась. Она разглядывала своё отражение в тусклой металлической стенке, потом отвернулась и поправила ремень на брюках.

На улице было прохладно. После ночного дождя вдоль бордюра лежали мокрые серёжки с деревьев. Аля прошла мимо аптеки, где обычно покупала всё необходимое в один день, чтобы не ходить лишний раз, свернула к переходу и заметила, что идёт быстро. Не торопится — просто так получается. Каблуки чужих туфель стучали позади; какой-то мужчина разговаривал по телефону; впереди мальчик в школьном рюкзаке пытался наступать только на сухие плитки.

Зелёный начал мигать, когда она была ещё далеко от перехода. Аля остановилась бы, как делала последние годы, но ноги уже ускорились. Она пробежала несколько метров, успела к остальным пешеходам и на другой стороне засмеялась. Не громко, скорее выдохнула смехом. Мужчина рядом оглянулся.

Она прошла дальше. Сердце билось быстрее. Воздух входил глубоко, без необходимости беречь следующий вдох. Она вдруг вспомнила, как в юности бежала за трамваем, прижимая к боку рулон ткани, и доехала, стоя у двери, совершенно счастливая оттого, что успела. Потом вспомнила, сколько раз в последние годы говорила себе: следующий тоже придёт.

У магазина Аля остановилась. Лицо горело. Ей хотелось ещё пробежать, просто до угла, без всякой причины. Она даже переставила ногу, готовясь сорваться с места, но заметила охранника за стеклом и вошла.

Продавщица показала на дальнюю стойку.

— Новая коллекция там, базовые модели справа. Размер подсказать?

Аля назвала прежний. Девушка посмотрела на неё и предложила начать на два меньше.

В примерочной было тесно. Шторка не доходила до стены, и Аля всё время подтягивала её, хотя снаружи никого не было. Первые брюки оказались велики, вторые застегнулись легко. Она посмотрела в зеркало: ровная ткань, высокая талия, никакого желания прикрыть себя длинной кофтой.

— Ну как? — спросила продавщица.

— Не знаю.

— Могу посмотреть?

Аля отодвинула край шторки. Девушка присела, расправила складку возле щиколотки.

— Эти вам хорошо. Только верх лучше короче.

— Мне бы, наоборот, подлиннее.

— Зачем?

Вопрос был задан без нажима. Продавщица уже потянулась за другой вешалкой, а Аля осталась стоять, прижав старую кофту к бёдрам. Она не могла вспомнить, когда в последний раз на это «зачем» у неё был настоящий ответ.

Она купила брюки и две футболки. Возле кассы лежали тонкие шарфы; один, оранжевый, с неправильными тёмными полосами, напоминал отпечатки мокрых веток. Аля взяла его, поднесла к шее и увидела себя в маленьком зеркале. Положила обратно. Продавщица назвала сумму, и она вдруг сказала:

— Этот тоже.

На выходе позвонила Ирина.

— Ты где?

— В магазине.

— Ничего пока не покупай. Я после работы приеду, посмотрим нормально.

Аля посмотрела на пакет.

— Уже купила.

— А что?

— Брюки.

— Какие?

— Синие, Ира. С двумя штанинами.

Дочь помолчала.

— Я же просто спросила.

— Знаю. Прости.

Они поговорили об анализах, которые ещё не пришли. Ирина напомнила, что мать должна написать, как вернётся. Аля пообещала и, убрав телефон, осталась стоять под навесом. Ей было легко, приятно и немного досадно. Она сама тридцать лет звонила дочери с такими же вопросами. Теперь хотелось, чтобы Ирина перестала, причём сразу, без обучения и без обиды.

Аля повязала новый шарф. Старую кофту сложила в пакет, оставшись в купленной футболке, которую надела ещё в примерочной. Плечи мёрзли. Она раскрыла пакет, подумала и снова закрыла. До дома было недалеко, а ей хотелось дойти именно так.

Роман вернулся к обеду. В руках у него был пакет с огурцами и банка мёда.

— Борис передал, — сказал он. — Сестра привезла.

Аля стояла у кухонного стола в новых брюках. Она ждала, пока он снимет куртку, разует, вымоет руки. Он всё это сделал, поставил огурцы в холодильник и спросил, нет ли у них пакета поменьше для мусора.

— Рома.

Он обернулся.

— Посмотри.

Он посмотрел. Медленно, от шарфа к брюкам и снова к лицу. Затем отодвинул стул, но не сел.

— Хорошо.

— Просто хорошо?

— Очень.

Аля улыбнулась. Он протянул руку к шарфу, взял кончик двумя пальцами.

— Такой яркий.

— Слишком?

— Нет. Я бы его издалека увидел.

Это было совсем не то, чего она ждала ночью, и всё-таки она почувствовала, как что-то в груди отпускает. Она подошла ближе, поцеловала мужа в губы. Он не отстранился, но ладони оставил на спинке стула. Когда она отступила, он ещё несколько секунд смотрел на неё.

Потом они поели. Аля рассказала о продавщице, Роман — о том, как Борис воюет с соседским забором. Своему другу он пока ничего не сказал: тот разговаривал при сестре, и Роман не нашёл момента. После обеда они вместе позвонили узнать о замене паспорта. На другом конце объяснили обычный порядок, а когда Аля описала причину, попросили повторить.

Разговор закончился записанным номером и советом прийти с документами на личный приём. Медицинская выписка сама по себе не отвечала на вопрос, как подтвердить, что перед ними владелица старого паспорта. Аля положила листок возле телефона. Роман проверил, разборчиво ли написаны цифры.

— Сходим, — сказал он.

Она кивнула. Сегодня ей уже не казалось, что бумажный документ должен немедленно объяснить её существование. Документ лежал в сумке, а она за утро успела пробежать через дорогу, купить себе вещи и рассердиться на дочь. Всё это произошло без него.

Позднее, убирая пакеты, Аля нашла длинную ленту с ценниками. Хотела выбросить, но заметила на обороте следы типографской краски: незначительный сдвиг, из-за которого синяя буква выглядывала из-под чёрной. Она разгладила ленту пальцем. В оранжевом шарфе полосы тоже накладывались друг на друга не совсем ровно, и именно поэтому он ей понравился.

Она положила ленту в ящик со швейными мелочами. Вечером надо было позвонить Римме: у них оставались два платья к субботе. Аля помнила об этом со вчерашнего утра и каждый раз находила причину отложить звонок.

Глава 4. Один раз и навсегда

Когда Аля позвонила Римме, Роман ушёл в маленькую комнату. Он не хотел слушать ещё одно объяснение. За последние два дня ему несколько раз казалось, что жена уже достаточно похожа на себя; потом кто-нибудь начинал спрашивать, и приходилось заново смотреть на неё как на событие.

В маленькой комнате лежали вещи, для которых у них обоих имелись будущие планы. Аля собиралась перебрать коробки с тканью. Роман — отдать кому-нибудь старый принтер. Тимофей обещал забрать складной стол, когда будет ехать на машине. Они называли комнату гостевой, хотя гостю пришлось бы прежде освободить себе место.

Роман сел за стол, сдвинул коробку с пуговицами и открыл в телефоне фотографии дачи.

Он снимал её в начале мая, когда ещё не разрослась трава. Дом вышел лучше, чем в действительности: солнце легло на окрашенную стену, трещина возле окна спряталась в тени. На другом снимке были видны прогнувшиеся доски крыльца. Этот он сначала хотел удалить, потом оставил. Чужой человек всё равно приедет и наступит.

Он собирался показать снимки человеку по имени Павел. Тот искал дачу для себя, оказался знакомым Борисова племянника и обещал не торговаться по телефону, пока не увидит. Роман ещё не отправлял ему ни фотографий, ни адреса. Только записал номер и сказал Борису, что надо сначала поговорить с Алей всерьёз.

Зимой они уже говорили. Аля чистила картошку и согласилась, что ездить каждую неделю тяжело. Роман предложил продать. Она ответила: «Посмотрим к осени». В марте он напомнил, что весной людям удобнее выбирать. Она спросила, кому тогда отдать рассаду, если они продадут. Рассады у них ещё не было. В апреле на подоконнике появились шесть ящиков.

Роман не считал это обманом. Он и сам так делал: отвечал на предложение подробно, которую легче было обсуждать, чем само предложение. Из-за этого у них давно имелись второй холодильник, три ненужные стремянки и привычка приезжать на дачу даже тогда, когда никто не хотел ехать.

Из кухни донёсся голос Али:

— Рим, я понимаю. Нет, не по телефону. Завтра приду.

Роман потушил экран.

Он представил её на дачном крыльце. Новые синие брюки, волосы до плеч, оранжевый шарф. Представил, как она идёт от калитки, быстро, легко, и ему захотелось, чтобы это случилось. До сих пор дача была местом, где оба уставали почти одинаково. Теперь Аля сможет вскопать всё, перенести, покрасить. И когда он скажет, что хочет продать, его собственная усталость окажется единственной причиной.

Он разозлился на эту мысль. С какого перепугу жена должна была немедленно стать бесплатным садовником только потому, что у неё больше не болят колени? Но следом возникла другая, ещё неприятнее: а если она захочет остаться там надолго, с кем-нибудь своим, молодым, кому не надо присесть после каждой работы?

Роман положил телефон экраном вниз. В дверь заглянула Аля.

— Ты тут?

— Угу.

— Римма ждёт завтра к десяти. У нас платя.

— Сказала ей?

— Сказала, что изменилась. Она решила, я волосы испортила.

Аля улыбнулась, но Роман видел, как ей не хочется идти. Он предложил отвезти. Она отказалась: по дороге надо купить нитки, там сама дойдёт.

— У тебя что? — спросила она, кивнув на телефон.

— Дача.

— А что с ней?

— Ничего нового.

Он мог показать фотографии. Мог сказать о Павле, о том, что зимой они так и не договорили. Аля стояла в дверях, держась пальцами за косяк, и ждала. Роман видел её запястье, светлую кожу там, где раньше постоянно был ремешок часов. Часы теперь болтались, и она сняла их.

— Потом, — сказал он. — Надо будет съездить.

— В воскресенье?

— Можно.

Она ушла. Роман снова включил телефон и написал Борису: «Завтра к тебе зайду один. Сестра ещё будет?»

Ответ пришёл почти сразу: «Уехала. Не понравилась?»

Роман набрал: «Поговорить надо».

Друг ответил уже без шутки: «Приходи».

Наутро Роман проснулся от шуршания пакета. Аля собирала нитки, измерительную ленту и длинные портновские ножницы. Ножницы были старыми, тяжёлыми, с потемневшим винтом. Она вложила их в чехол, сделанный из рукава мужской рубашки.

— Ты мои когда-нибудь отдашь? — спросил Роман.

— Что?

— Рукава.

Она посмотрела на чехол.

— От этой рубашки уже и пуговиц не осталось.

— Значит, не отдашь.

— Спи.

Он не стал говорить, что давно не спит. дождался, пока она выйдет из спальни, сел и потрогал себя за шею. Ночью он опять лежал почти неподвижно, чтобы случайно не обнять её слишком привычно. Теперь болела мышца под ухом.

Перед выходом Аля подошла к нему сама. Была в простой футболке, волосы стянуты резинкой, на щеке маленький след от подушки. Она поцеловала его, не спрашивая и не проверяя, как вчера. От её губ пахло зубной пастой. Роман успел положить руку ей на талию, но она уже отступила, подхватывая сумку.

— Я после обеда. Суп в холодильнике.

— Знаю.

— Не разогревай всю кастрюлю.

Он поднял глаза.

Она рассмеялась.

— Всё, ушла.

Он проводил её до двери. Потом вернулся в спальню и впервые за два дня посмотрел на себя в большое зеркало без жены рядом.

Мужчина в зеркале был вполне знакомым. Седые волосы, которые надо было подстричь возле ушей. Плечи чуть вперёд, живот, след от резинки домашних брюк. Роман выпрямился. Сделал это ещё раз, уже не для зеркала: спина отозвалась, но держаться прямо было возможно.

В шкафу висела голубая рубашка для юбилея. Аля купила её ему ещё в апреле, сказала, что серая делает его похожим на человека, который пришёл проверять проводку. Он тогда возразил, что проводку иногда полезно проверять даже на свадьбах.

Роман достал голубую рубашку. Сменил футболку, застегнул пуговицы. Верхняя не сошлась свободно. Он оставил её расстёгнутой и аккуратно расправил воротник.

Перед выходом нашёл в ящике маленькие ножницы и подрезал торчащий волос над ухом. Получилось криво. Он сердито убрал ножницы, но рубашку снимать не стал.

Борис открыл дверь с кухонным полотенцем через плечо.

— Ты чего нарядный?

— Других нет.

— У тебя их больше, чем у меня родственников.

Роман прошёл в кухню. На столе лежали кусочки варёной картошки, рядом стояла миска. Борис делал салат. После смерти Галины он научился готовить пять или шесть блюд и повторял их без малейшей попытки оправдаться. Если гости не предупреждали заранее, ели то, что попадало на сегодняшний день.

— Чай?

— Давай.

Борис положил нож, налил воды в чайник. Они знали друг друга достаточно долго, чтобы не спрашивать о погоде, когда один специально пришёл поговорить. Роман сел, достал телефон и положил на стол.

— С Алей случилось.

Борис перестал двигаться.

— Что?

— Она... Сейчас покажу.

Он открыл фотографию, сделанную утром. Аля стояла в прихожей с сумкой и сердито шурилась: он попросил её задержаться, когда она уже опаздывала. Снимок она разрешила показать Борису, только велела не пересылать.

Друг взял телефон, посмотрел. Вернул.

— Хорошая была.

Роман почувствовал, как внутри у него сжалось.

— Она есть.

— Я не про то. Фотография старая, говорю, хорошая. Ты напугал меня.

— Это сегодня.

Чайник зашумел. Борис выключил его раньше времени.

Объяснение вышло короче, чем Роман ожидал. Друг несколько раз спросил одно и то же, посмотрел снимок ещё раз, потребовал показать вчерашние сообщения дочери. Роман не стал давать телефон, только прочитал вслух две строки, где Ирина писала об анализах. Потом сказал, что, если Борис не верит, может прийти к ним сам.

— Приду, — ответил тот. — Только не сегодня. Мне сперва в голове место освободить.

Он снова включил чайник. Достал две чашки, одну поставил на стол, другую зачем-то вернул в шкаф. Посмотрел на неё, хмыкнул и снова достал. Роман молчал.

— А тебе ничего? — спросил Борис наконец.

— Ты меня видишь.

— Вижу.

Друг налил чай. Сел напротив, отодвинул миску с картошкой.

— Повезло, — сказал он. — Наверное.

Роман посмотрел на него.

— Наверное?

— Я не знаю, Ром. Ты пришёл, думаешь, я тут за десять минут пойму? Я ещё вчера думал, что у меня сосед самую большую глупость в жизни сделал, поставил сплошной забор на той стороне, откуда солнце. Сегодня, оказывается, у вас совсем другие новости.

Он потёр щеку ладонью, шумно выдохнул.

— Она хоть рада?

— Да. То есть пугается. Потом рада. Купила брюки.

— Значит, рада.

Роман невольно улыбнулся. Борис придвинул к нему сахарницу.

— Я бы Галку такую увидел, — сказал он тихо.

Роман не ответил. Галина умерла шесть лет назад. В последнее время Борис редко говорил о ней, но чашку с отколотой ручкой, которую она считала своей, до сих пор держал на верхней полке.

— В любом возрасте, — добавил друг. — Хоть в девяносто.

Роману стало стыдно за то, что он пришёл сюда со своим страхом. Он уже хотел сказать, что всё, конечно, хорошо, просто неожиданно, но Борис отмахнулся, будто услышал.

— Это я про себя. Ты-то чего молчишь?

Роман обхватил чашку.

— Она меня поцеловала сегодня. А я стою, как начальник пришёл.

Борис посмотрел на его голубую рубашку. На этот раз шутить не стал.

— Нравится?

— Кто?

— Рубашка твоя. Кто же. Жена.

— Очень.

Слово получилось громче, чем Роман хотел. Он понизил голос, хотя в квартире больше никого не было.

— Я вчера смотрю, как она шарф завязывает. И думаю... Не знаю, что думаю. Хочется подойти. А потом она поворачивается, и я вижу себя рядом. Старика.

Борис подвигал чашку по столу.

— Ты и позавчера им был.

— Позавчера мы оба были.

Они помолчали.

— Я тебе тут не советчик, — сказал Борис. — Я после Галиной смерти полгода с кассиршей нормально разговаривать не мог. Думал, все на меня смотрят, как на человека, у которого из сумки что-то высыпалось, а он не замечает. Может, и на тебя никто особенно не смотрит.

— Я сам смотрю.

— Ну вот. С этим труднее.

Борис встал, взял нож и принялся резать огурец. Роман сидел, прислушиваясь к ровному стуку о доску. Ему стало легче не от сказанного, а от того, что разговор можно было на время прекратить и не считать его неудачным.

— Поможешь? — спросил Борис и достал для него второй нож.

Роман вымыл руки, взял картофелину. Они доделали салат, и Борис вдруг вспомнил про дачу.

— Павел спрашивал, ты ещё думаешь продавать или уже передумал.

— Думаю.

— Я ему так и сказал. Номер твой без спроса не дал.

— Правильно.

Борис вытянул из-под газеты листок с напечатанными фотографиями. На них была вода, невысокий деревянный дом и двое мужчин возле машины. Роман узнал одного: двоюродный

брат Бориса, живший в Карелии. Второй был хозяином соседнего дома, у которого можно было снять комнаты.

— Это он прислал? — спросил Роман.

— Да. Говорит, лучше к августу. В июле у них свои приедут.

Они собирались съездить туда уже третий год. Первый раз у Бориса заболела сестра. Во второй Роман всё лето менял на даче водопровод, который зимой лопнул в двух местах. Этой весной они договорились, что хотя бы начнут узнавать дорогу и жильё, иначе снова останется только фотография воды.

— На машине я не хочу, — сказал Роман.

— Я тоже. Доедем поездом, там разберёмся.

— Не «разберёмся». Надо заранее, кто встретит и куда.

— Так ты же для этого и едешь.

Роман поднял на него глаза. Борис усмехнулся, но потом сказал уже серьёзно:

— Ладно. Я сам спрошу. И про комнаты, и про встречу. Ты пока не отказывайся.

Роман рассматривал фотографию. Вода была серой, совсем не такой, ради которой обычно отправляют открытки. У края снимка торчала половина чужого пальца. Ему нравилось именно это: кто-то вышел из дома, поднял телефон и снял то, что видел каждый день. Там можно было просто находиться. Не поправлять забор, не проверять насос, не обещать детям, что к их приезду всё заработает.

— Не отказываюсь, — сказал он.

По дороге домой Роман зашёл в парикмахерскую. Молодой мастер спросил, как стричь. Роман ответил: как обычно, только потом вспомнил, что пришёл сюда впервые.

Мастер не смутился. Попросил снять очки, подвёл машинку к виску. В зеркале Роман увидел свою голову в чужих руках и почему-то перестал переживать из-за криво подрезанного волоса. Ошибку можно было убрать. Для этого даже не требовалось становиться моложе.

После стрижки он долго искал в кошельке мелкую купюру, пока мастер не показал на терминатор. Расплатился, вышел, провёл ладонью по прохладному затылку. На витрине соседнего магазина стояла пара лёгких ботинок. Он посмотрел на цену, подумал о старых, ещё целых, и пошёл дальше.

Через двадцать шагов вернулся.

Ботинки оказались удобными. Продавец предложил ещё одни, дешевле, но у тех жёсткий край давил под косточкой. Роман выбрал первые. Попросил коробку: дома пригодится для мелких деталей. Пока продавец убирал внутрь старые ботинки, Роман стоял на коврике в новых и осторожно перекатывался с пятки на носок.

Он не чувствовал себя молодым. В правом колене тянуло после долгой ходьбы, очки опять оставили след на переносице. Но обувь не жала, воротник голубой рубашки был приятен коже, а стриженный затылок обдувал ветер.

Дома Али ещё не было. Роман разогрел суп в маленькой кастрюле, поел и помыл за собой тарелку. Потом достал дачные фотографии. Выбрал пять: дом, кухня, сад, крыльцо, сарай. Оставил и трещину, и просевшие доски.

Павлу он ничего не отправил. Сложил снимки в отдельную папку на телефоне и написал название: «Обсудить с Алей».

Телефон предложил сделать из них памятный ролик под музыку. Роман отказался.

Глава 5. До субботы

Римма поверила не сразу, но спорить перестала быстро. Она усадила Алё у окна, позвала Роману, выслушала, несколько раз сказала «господи» и потребовала, чтобы подруга больше не начинала разговор словами «у меня небольшая перемена».

Потом они выпили чай. Римма разглядывала её открыто, без всякой деликатности, поворачивала к свету, просила улыбнуться, наклонить голову. Алё терпела, пока подруга не сунула пальцы ей в волосы.

— Хватит. Я ещё не кукла.

Римма отдернула руку.

— Да я вижу. Куклы приятнее разговаривают.

Она села на своё место, возле машинки, и долго молчала. Из приоткрытого окна тянуло запахом мокрого асфальта. Во дворе кто-то волок по земле металлическую лестницу; неприятный звук то приближался, то пропадал.

Алё посмотрела на рабочий стол. Два платья висели на стойке, прикрытые прозрачными чехлами. Вчера утром ей казалось, что эти вещи находятся в другом мире, где она пока не обязана появляться. Теперь они опять были просто работой, которую надо закончить к субботе.

— Ты бока уже забрала?

— Да.

— На обоих?

— На обоих. Ты же не пришла.

Алё сняла чехол с зелёного платья. Провела пальцами по новому шву. Римма сделала всё аккуратно; оставалось отпарить и проверить подол после примерки. Алё вчера должна была помочь с этим, а позавчера — с рукавами. Она уже забыла, как утром в среду собиралась сюда, прежде чем подошла к зеркалу.

— Прости.

— За это не надо, — сказала Римма. — Я бы тоже, наверное, не пришла. Только ты могла позвонить раньше. Я тут и обижалась, и волновалась, очень неудобно совмещать.

Алё повесила платье обратно.

— Я не знала, как.

— Ну теперь знаешь. Звонишь и говоришь: Римма, случилось невозможное, сегодня рукава сама.

Они обе засмеялись. Римма смеялась громко, запрокинув голову, потом вдруг прижала ладонь к губам. Алё подошла к ней, но подруга махнула: стой там, сейчас пройдёт.

Не прошло. Римма заплакала, сердясь на каждую слезу. Из ящика вытащила кусок подкладочной ткани, посмотрела, положила обратно и пошла за платком.

Алё осталась возле стола. Ей хотелось броситься следом, обнять, сказать, что ничего плохого не произошло. Но она уже заметила, как Римма смотрит на её шею, руки, тёмные волосы. Говорить «ничего не изменилось» было бы почти жестоко.

Подруга вернулась с бумажной салфеткой и красным носом.

— Я рада, — сказала она. — Не думай.

— Я не думаю.

— Думаешь. Я бы подумала.

Римма села и потянула к себе коробку с нитками.

— Ладно. Давай хоть платье сделаем. Оно, слава богу, само за ночь не уменьшилось.

Они работали вместе больше двадцати лет, с перерывами и в разных местах. В последние годы Римма принимала заказы дома: одна комната была отдана машинкам, гладильной доске и большому столу, который её покойный муж когда-то собрал из двух одинаковых письменных. На стыке оставалась узкая щель. Если положить туда булавку, она непременно исчезала, а потом находилась в самом неподходящем месте.

Аля знала каждый ящик. В верхнем слева — нитки ходовых цветов, в нижнем — «пригодится», которое обычно не пригодилось бы никому, кроме них. За дверцей шкафа на длинном гвозде висели лекала. Среди них до сих пор болталась выкройка школьного сарафана Ирины, принесённая Алей вместе со старыми запасами много лет назад. Бумага пожелтела, имя было написано рукой Али, молодой ещё тогда, когда это не требовало отдельного объяснения.

Она сняла выкройку сарафана, разгладила угол.

— Ты зачем её хранишь?

— Размер удобный. Под девочку заказ бывает.

— Ира этот сарафан всего полгода носила.

— Зато выкройка живёт прилично.

Аля повесила её обратно. Свою школьную форму Ирина давно не помнила, а бумажная копия её детского тела всё ещё занимала здесь место. От этой нелепой сохранности Аля чуть не заплакала сама.

Она села к зелёному платью. Римма закончила второе, тёмно-синее, и разложила на столе пояс, который заказчица накануне попросила сделать «какой-нибудь праздничный, но без праздника». Они минут пять обсуждали эту формулировку, перебирая остатки ткани.

— Может, просто не отдавать? — предложила Аля. — Будет без праздника.

— Сестра жениха. Ей нельзя не отдать, она тогда всем испортит.

Обе заказчицы приходились друг другу сёстрами. Одна любила, чтобы вещь сидела свободно, другая — чтобы свободно сидели все остальные. Они заказали платья на одну свадьбу, пообещали не сравнивать и с первой примерки только этим и занимались.

Римма заранее предупредила, что придут в два. Аля решила успеть всё к половине второго. Молодые пальцы слушались легко, игольное ушко было видно без очков. Она несколько раз вдевала нитку просто потому, что могла, пока не заметила взгляд подруги.

— Не хвались, — сказала Римма.

Аля опустила руки.

— Я не специально.

— Знаю. Всё равно завидую.

На этот раз в голосе не было слёз. Аля улыбнулась и взялась за подол.

Первые полчаса всё шло прекрасно. Она легко наклонялась, не берегла спину, быстро вставала за мелочами и даже поймала катушку, покотившуюся со стола. Затем решила, что пояс надо сделать иначе, распорола уже готовый край и разложила детали заново. Римма спросила, зачем. Аля объяснила, что так будет лучше смотреться.

— Будет, — согласилась подруга. — Только у нас час.

— Успеем.

Через сорок минут зелёное платье по-прежнему висело неотпаренным, а пояс лежал у Али на коленях в трёх частях. Она ошиблась не руками: руки сделали ровно то, что она велела. Просто новое решение требовало ещё одной детали, которой не было в оставшемся куске.

Римма подошла, оценила, молча достала из нижнего ящика узкую полосу ткани.

— Откуда?

— Оттуда. Я же не всё выбросила, когда ты сказала.

Аля сжала губы. В обычный день у неё нашёлся бы ответ про склад ненужных обрезков. Сейчас она взяла полосу и сказала спасибо.

Пояс закончили за десять минут до звонка в дверь. Римма успела пройти утюгом по зелёному платью, Аля собрала нитки с пола и заметила, что руки дрожат от спешки. Тело стало молодым, а привычка переделывать чужую готовую работу в последний момент несколько не постарела.

Сёстры вошли одновременно, каждая с пакетом. В первом лежали туфли, во втором тоже, но им обеим требовалось пространство, как будто они принесли чемоданы.

Римма познакомила их с Алей по имени. Про прежние встречи ничего не сказала. Заказчицы видели её дважды до этой недели, но сейчас не узнали. Та, что выбирала зелёное платье, доброжелательно спросила, давно ли она помогает Римме Юрьевне.

Аля открыла рот.

— Давно, — ответила подруга из-за ширмы. — Снимайте вашу кофточку. Она узкая, через причёску не протащим.

Примерка началась с разговора о свадьбе. Невеста отказалась от одного из конкурсов, и старшая сестра сочла это личным покушением на веселье. Младшая возразила, что ползать под верёвкой в дорогом платье действительно не хочется. Старшая сказала, что никакой верёвки ещё не было, всё только обсуждали. Пока они спорили, Аля присела возле подола и прикрепила булавку.

— Девушка, вы мне вот здесь не перетяните, — предупредила хозяйка зелёного платья. — Мне сидеть надо будет.

— Я длину смотрю.

— Всё равно. Молодые любят, чтобы всё тесно.

Аля хотела сказать, что её собственная дочь старше некоторых невест, но прикусила язык. Римма поймала её взгляд в зеркале и отвернулась, скрывая улыбку.

Платье сидело хорошо. Хозяйка прошлась по комнате, подняла руки, села на стул, затем на другой, потому что первый показался ей слишком низким. Аля следила за тканью, за линией плеч, за тем, как подол возвращается на место. Это она умела. Не благодаря сегодняшней коже и хорошему зрению, а потому, что много лет разглядывала людей именно так, пытаясь сделать вещь удобной для их движения.

Синее платье потребовало небольшой поправки. Старшая сестра встала перед зеркалом, приподняла подбородок и сообщила, что стала выглядеть старше.

— Чем когда? — спросила Римма.

— Чем я есть.

— Тогда снимем пояс. Он вам не нужен.

Аля застыла с коробкой булавок. Пояс, из-за которого они едва успели, оказался лишним. Без него платье действительно смотрелось легче. Заказчица повертелась, согласилась и попросила упаковать пояс отдельно: вдруг потом пригодится.

Римма не стала смотреть на Алю. От этого было хуже. Пока сёстры переодевались за ширмой, она убрала булавки с зелёного платья и поправила строчку на синем. Пояс положили в отдельный пакет.

Когда сёстры ушли, они ещё некоторое время молчали. Аля свернула оставшиеся лоскуты, убрала булавки. Потом сказала:

— Надо было оставить, как ты сделала.

— Надо было сначала спросить, нужен ли он вообще.

Аля кивнула. Подруга поставила чайник и достала две тарелки. В одной лежал кусок вчерашнего пирога, в другой — два маленьких помидора.

— Это обед?

— Это выбор. Я надеялась, ты принесёшь что-нибудь.

Аля посмотрела на свои покупки: нитки, резинка, застёжка, которую Римма просила ещё во вторник. Ничего съедобного.

— Забыла.

— Я заметила.

Они разделили пирог и помидоры поровну. На столе осталась плата за работу; Римма отсчитала Алину долю, отложив за те операции, которые сделала сама. Раньше она иногда махала рукой: потом сочтёмся. Сегодня посчитала сразу. Аля не возразила. Деньги были нужны обоим, и никто не обязан был платить за её два дня отсутствия из собственного кармана.

Римма убрала свою часть в конверт. На нём было написано «ПОЕЗДКА».

— Какая? — спросила Аля.

— С группой на три дня. В июле. Я тебе говорила.

— Ты говорила, что подумаешь.

— Подумала.

Аля почувствовала неожиданную досаду.

— Мы же хотели вместе куда-нибудь.

— Хотели. Ты в прошлом году не могла. В этом у вас юбилей, потом дача, потом у Тимки отпуск. Я записалась с Нелей.

Неля была соседкой Риммы, с которой они ходили в бассейн. Аля считала её немного скучной: та подробно рассказывала о пересадках и скидках, не замечая, когда слушателю уже всё понятно. До сегодняшнего дня Аля не думала, что именно с ней подруга может предпочесть путешествовать.

— Хорошо, — сказала она.

Римма подняла глаза.

— Аля.

— Я правда говорю, хорошо.

Подруга вздохнула. Встала, убрала тарелки. На правой руке у неё припух сустав, и Аля заметила, как она перехватывает блюдо, избегая нажима. Молодые собственные пальцы вдруг показались ей неловкими, слишком заметными.

Она потянулась помочь, но Римма уже поставила всё в раковину.

— Ты мне завтра нужна будешь? — спросила Аля.

— Нет. Заказы отдали. Я вечером к Неле, мы маршрут смотрим. А утром спать буду сколько влезет.

Аля хотела напомнить про старые брюки, которые давно лежали в пакете на переделку. Вместо этого закрыла пакет со своими ножницами.

— Тогда в понедельник созвонимся.

Римма проводила её. Уже у двери, когда Аля повернулась, чтобы взять забытую резинку, подруга обняла её сзади за плечи и прижала к себе. Неловко, крепко, как обнимают человека, который сейчас уйдёт, а сказать всё по порядку уже не успеешь.

— Хорошо, что ты пришла, — сказала она.

Аля накрыла её руки своими. Они постояли, глядя в открытую дверь квартиры. На лестнице хлопнула дверь этажом ниже, и Римма отпустила.

— Ножницы не забудь. Ты без них ещё два дня будешь молодеть, а мне тут нечем работать.

Домой Аля пошла длинной дорогой. Роману написала, что закончила и немного пройдёт. Он ответил фотографией ботинок. Она увеличила снимок, поняла, что это новые, и написала: «Красивые». Муж прислал большой палец. Аля рассмеялась и убрала телефон.

В городе всё время что-нибудь менялось. Там, где раньше продавали светильники, теперь наливали кофе. Магазин посуды исчез, оставив на стекле светлый прямоугольник от вывески. Аля плохо запоминала новые названия. Ей было проще сказать «возле бывшей аптеки», хотя аптеки не было уже семь лет.

На Сибирской она остановилась у витрины, которую прежде не замечала. За стеклом висели небольшие листы: чёрный чайник, лодка, несколько деревьев, женская спина у окна. Под деревьями бумага оставалась белой, и всё же Аля сразу видела снег. Она подошла ближе. По чёрному стволу тянулись тонкие светлые линии, каждая немного неровная.

Рядом лежал резиновый валик и кусочек материала с вырезанным рисунком. На листке было написано: «Линогравюра. Занятие для начинающих. Суббота, 12:00».

Аля знала слово, но не представляла, как всё происходит. В школе они делали что-то похожее из картошки. Потом ей иногда хотелось рисовать узоры для ткани, но каждый купленный блокнот постепенно занимали размеры, списки, телефонные номера. Она могла вспомнить несколько рисунков, которые собиралась закончить. Не могла вспомнить, куда делись сами блокноты.

Внутри кто-то двигал стулья. Аля взялась за ручку двери, отпустила, опять взялась и вошла.

Небольшая комната пахла краской, мылом и кофе. У дальней стены стоял тяжёлый стол, на полках лежали папки. Женщина в сером фартуке переставляла стопки бумаги; на её запястье был широкий синий след.

— Здравствуйте. Вы записаны?

— Нет. Я только спросить.

— Спрашивайте.

Женщина не бросила работу. Аля неожиданно обрадовалась: пока та держала бумагу, можно было не чувствовать себя главным происшествием в комнате.

— Это для тех, кто умеет рисовать?

— Это для начинающих. Но рисовать тоже придётся.

— А если плохо?

— Тогда начнём с простого.

Аля посмотрела на чайник в витрине. В нём было что-то смешное и важное одновременно: кривоватый носик, толстая ручка, белый овал на боку. Она сама никогда не позволила бы себе нарисовать чайник таким неправильным. А этот хотелось рассматривать.

Женщина представилась Диной Аркадьевной, объяснила, сколько длится занятие и что входит в стоимость. Свободных мест осталось два. Материалы для первой работы выдавали здесь; своё можно было принести позже.

— Позже тоже есть?

— Занятия? Да. Несколько раз в неделю. Но вы сначала попробуйте, может, вам не понравится.

Аля достала телефон. Цифра, которую назвала Дина, почти совпала с её сегодняшним заработком. После двух пропущенных дней она получила меньше обычного. Можно было убрать деньги на продукты и записаться когда-нибудь в другой раз.

— Завтра в двенадцать? — спросила она.

— Да.

Аля записалась. Назвала имя, фамилию и номер телефона, оплатила занятие. Дина отправила ей сообщение с временем и коротким напоминанием взять одежду, которую не жалко испачкать.

На улице Аля ещё раз прочитала сообщение. Суббота, двенадцать. Всего несколько часов, на которые у неё теперь имелось собственное занятие. Она написала Роману, что завтра пойдёт учиться.

Он ответил не сразу. Пока ждала, Аля успела перейти улицу, зайти в булочную и купить два пирожка с капустой: они с Риммой так и не пообедали как следует. Телефон завибрировал, когда продавщица уже протягивала пакет.

«Чему?» — спросил муж.

Аля набрала слово по буквам, проверила и отправила: «Линогравюре».

Следом пришло: «А. Тогда ладно».

Она была уверена, что Роман тоже не знает, что это такое.

Глава 6. Белое место

Леся спросила, можно ли теперь звать бабушку просто Алей.

Тимофей за её спиной покачал головой. Настя, наоборот, не вмешалась: сидела рядом с дочерью и ждала ответа. Они позвонили утром, когда Аля уже собиралась выходить, и теперь она стояла посреди прихожей с одним завязанным кроссовком.

— Можно, — сказала она. — Только зачем?

Леся подумала.

— Ты теперь как Аля.

— Я всегда была Аля.

— Но я тогда не знала.

Аля опустила на банкетку. На экране внучка внимательно смотрела на неё, чуть приоткрыв рот. Ей показали старые фотографии и объяснили то небольшое, что взрослые сами могли объяснить. Леся не искала причину. Её занимало устройство ближайшего будущего.

— А ты со мной будешь на самокате?

— Не обещаю.

— Почему?

— Я не умею.

— Я научу.

Аля улыбнулась. Раньше в этих словах всегда была снисходительность взрослого к детской затее: конечно, когда-нибудь научишь. Сейчас она представила себя стоящей на узкой доске, быстро летящий асфальт и собственные колени. Стало страшно по-новому, приятно и немного стыдно.

— Попробуем, когда приедете.

Внучка удовлетворилась. Показала ей недоделанную фигурку из пластилина, потом потребовала позвать дедушку. Роман подошёл, наклонился к экрану. Леся изучила его с тем же вниманием.

— А ты так и будешь?

— Пока да.

— Жалко.

Тимофей сказал: «Лесь», но Роман поднял руку.

— Мне ботинки новые купили, — сообщил он. — На всё сразу денег не хватило.

Аля ткнула его локтем. Внучка засмеялась, не вполне поняв, шутка ли это. Потом они ещё говорили о приезде, и Настя уточнила, что на юбилей будут все трое, а раньше Тимофею пока не удаётся. Аля сказала, что хорошо, так и надо. Роман спросил, на чём поедут. Началось обсуждение дороги, из которого Аля осторожно вышла, передав мужу телефон.

В сумке лежали старая футболка, блокнот без записей и её портновские ножницы. Ножницы она взяла по привычке, затем подумала и оставила дома. Вчера Дина перечислила всё необходимое. Своих инструментов Аля пока не имела и не знала, чем придётся работать.

Роман проводил её взглядом из кухни. Разговаривая с сыном, показал большой палец. Аля помахала в ответ.

В мастерской уже сидели четверо. Девушка с короткими розовыми волосами рассматривала фотографии на телефоне. Мужчина лет шестидесяти рисовал рыбу. Рядом с ним женщина в строгой рубашке подписывала свой лист крупными печатными буквами. Ещё одна девушка

раскладывала карандаши так аккуратно, что Аля сразу почувствовала себя плохо подготовленной.

— Проходите, Алевтина, — сказала Дина. — Здесь свободно.

Она указала на место возле окна. Аля села, достала блокнот, положила телефон экраном вниз. Стол был накрыт защитным листом; у каждого места лежал небольшой кусок линолеума, простой карандаш и несколько инструментов с короткими деревянными ручками.

Аля взяла один, повернула в пальцах. Дина сразу подошла.

— Сейчас покажу. Пока только смотрим.

Она сказала это всем, но Аля почувствовала себя лично остановленной. Хотелось объяснить, что всю жизнь имеет дело с острыми вещами и умеет держать ножницы. Вместо этого она положила инструмент обратно.

Дина начала с готового отпечатка. Подняла лист с чёрной птицей, затем форму, с которой его сделали. Положила рядом. Объяснила, какие места останутся белыми, что примет краску и почему изображение на бумаге окажется зеркальным.

— Если захотите буквы, сначала проверим. И не берите сегодня сюжет на полстены. Один предмет, простые пятна. У нас первое занятие.

Мужчина с рыбой виновато прикрыл свой рисунок ладонью. У рыбы было много чешуи. Дина увидела, улыбнулась и предложила оставить только несколько крупных деталей.

Аля открыла блокнот. Она заранее думала нарисовать швейную машинку, но теперь представила все её изгибы, колесо, иглу и поняла, что не знает, с чего начать. Нарисовала ножницы. Посмотрела. Одно кольцо оказалось значительно больше другого, лезвия встретились слишком близко к ручкам.

Она стёрла. Нарисовала снова.

За столом стало тихо. Слышалось, как карандаши шуршат по бумаге, кто-то двигает стул, Дина негромко советует женщине в рубашке упростить цветок. Аля всё ещё рисовала ножницы. Ей казалось невозможным, что предмет, который она держала почти каждый день, не удаётся восстановить по памяти.

Она достала телефон, нашла фотографию своих ножниц на старом снимке рабочего стола, увеличила. Стало чуть легче, но рисунок теперь выглядел скопированным кусками: отдельно кольца, отдельно винт, отдельно длинные полосы металла.

— Что не получается? — спросила Дина.

Аля закрыла экран.

— Всё.

Дина села рядом, поставила точку возле винта.

— Вы сейчас рисуете то, что знаете о ножницах. Попробуйте посмотреть на общий силуэт. Вот здесь пустое место между ручками. Оно тоже имеет форму.

Она не стала переделывать рисунок. Показала пальцем, где можно убрать лишнее, и отошла к другому ученику. Аля осталась одна со своими неправильными кольцами.

Ей хотелось уйти. Это желание было таким сильным и неожиданным, что она даже подняла сумку с пола. Можно было сказать, что позвонили из клиники. Это было бы почти правдой: результаты уже приходили, на понедельник назначили повторный приём, вопросов оставалось достаточно. Здесь никто не стал бы её удерживать.

Она поставила сумку обратно.

На соседнем листе рыба превратилась в толстый чёрный овал с хвостом. Мужчина долго смотрел на неё, потом добавил один сердитый глаз и остался доволен. Аля снова взяла карандаш.

Резать оказалось труднее, чем ожидалось. Линия, которую рука уверенно провела карандашом, не становилась от этого послушной в материале. Инструмент то шёл слишком мелко, то снимал больше, чем нужно. Дина поправила положение её левой руки и напомнила держать пальцы в стороне от движения резца.

Аля работала медленно. За её плечом кто-то спросил, где чистый валик. Она обернулась и увидела мужчину, который пришёл позже остальных, но не сел за общий стол. Он стоял у дальней рабочей поверхности, придерживая плоскую папку. На рукаве тёмной футболки белел отпечаток ладони.

— Кирилл, в нижнем ящике. И сегодня большой пресс занят после трёх, ты помнишь?

— Помню. Я только пробую.

Мужчина открыл ящик, вытащил валик, потом заметил, что Аля смотрит, и улыбнулся. Она быстро повернулась к своей работе. Инструмент съехал, белая выемка пересекла тонкую перемычку между двумя частями рисунка.

Аля замерла.

Исправить ткань часто было возможно: вставить кусочек, перенести шов, укоротить, придумать отделку. Здесь вырезанное место лежало маленькой стружкой на столе. Она подняла его, приложила обратно и сама поняла бессмысленность этого движения.

— Дина Аркадьевна.

Преподаватель подошла, посмотрела.

— Да. Этот участок уже не напечатается.

— Совсем?

— На этой форме — так, как был, уже нет. Можно изменить рисунок или начать другую. Но для первой пробы это не катастрофа.

Аля почувствовала раздражение. Разумеется, для Дины не катастрофа: у неё в шкафу лежали папки хороших работ. Аля пришла за единственной своей, и уже было нечего показывать.

Она посмотрела ещё раз. Ножницы распались возле винта; если оставить так, два лезвия будут казаться лежащими отдельно. Дина предложила попробовать именно это: разложенные детали, а не исправные ножницы. Аля отказалась. Ей не хотелось превращать случайную поломку в художественную идею только потому, что так удобнее закончить занятие.

— Тогда сначала отпечатаем, — сказала Дина. — На бумаге вы увидите лучше. Потом решите, что делать дальше.

Это было терпимо. Аля убрала стружку и продолжила выбирать фон.

К концу второго часа у неё устали плечи. Тело не болело, но постоянное внимание выматывало сильнее привычной работы. Она распрямилась и заметила, что мужчина с рыбой тоже потирает шею. Девушка с розовыми волосами уже вырезала что-то круглое, похожее на луну, и теперь с удовольствием разглядывала ладони, испачканные карандашом.

Дина показала, как раскатать краску. Валик прошёл по ровной поверхности с негромким липким звуком. Аля смотрела на тонкий блеск, на то, как он распределяется, и вдруг захотела попробовать всё сначала, без ножниц, без рисунка: просто провести цветом по белому листу.

Ей дали нанести краску на форму. Она сделала это осторожно, боясь нового промаха, и первый оттиск вышел бледным. В некоторых местах бумага осталась белой там, где должен был быть чёрный силуэт. Аля подняла лист, прищурилась. Ножницы были видны, но выглядели так, будто их вытащили со дна реки.

— Теперь чуть ровнее краску, — сказала Дина. — И прижим. Не надо пытаться спасти первый лист вторым слоем поверх на глаз.

Аля положила неудачную пробу отдельно. Вторая получилась лучше. Чёрные части стали плотными, белые штрихи отчётливо отделились от них. Разрезанная перемычка по-прежнему отсутствовала. Ошибка никуда не делась, но вокруг неё наконец возникло изображение.

Она долго смотрела на него.

— Вот, — сказал рядом Кирилл. — Уже интересно.

— Они сломаны.

— Вижу.

— Я не хотела, чтобы сломаны.

Он наклонился ближе, но лист не тронул.

— Тогда следующие будут целые.

Аля подняла голову. Он говорил без утешительного нажима, будто продолжение было самым естественным делом. Ей впервые за занятие захотелось улыбнуться.

— Вы давно тут?

— На занятиях? Второй год хожу время от времени. Я по работе всё в компьютере делаю, иногда надо, чтобы руками и нельзя было отменить.

— Не отменить — это я уже поняла.

Кирилл рассмеялся. Дина позвала его к дальней поверхности: он оставил там открытой банку. Он поднял ладони в знак признания вины и ушёл.

Аля положила свой лист на свободное место для сушки. Рядом лежали рыба, цветок, луна и что-то геометрическое, удивительно аккуратное. Её ножницы были самой неясной работой из всех. Но они были её, и она уже знала, что в следующий раз начнёт иначе.

После занятия Дина предложила желающим посмотреть расписание. Розововолосая девушка сразу записалась ещё на субботу; мужчина с рыбой сказал, что сначала покажет жене и выяснит, пустят ли его с этим домой. Аля медленно складывала вещи, дожидаясь, пока остальные уйдут.

Ей хотелось задать вопрос без свидетелей.

— Это можно серьёзно выучить? — спросила она наконец.

Дина собирала использованные инструменты.

— Можно. А что вы называете серьёзно?

— Чтобы самой делать. Не по вашему рисунку. И чтобы это было... кому-нибудь нужно.

Преподаватель вытерла руки, положила тряпку.

— Для начала надо много рисовать и печатать. У вас глаз привык к пропорциям, это видно. Но рука пока не знает материал. За несколько занятий профессии не получится.

— Я понимаю.

— И учиться можно в любом возрасте. У нас разные люди приходят.

Аля посмотрела на неё внимательнее.

— Вы это почему сказали?

— Вы спросили так, будто уже опоздали.

За окном прошли двое школьников, на секунду заслонив свет. Аля провела пальцем по краю блокнота.

— Мне шестьдесят восемь.

Дина замолчала. Не засмеялась, не стала подыгрывать.

— По документам?

— И по жизни. Я в среду... Со мной что-то случилось. Врачи пока разбираются. Я не знаю, как объяснить короче.

Она пожалела, что заговорила. Сейчас придётся достать фотографии, позвать мужа, повторить всё, что за три дня уже потеряло слова. Дина смотрела на неё спокойно, но Аля видела, что не поверила.

— Хорошо, — сказала преподаватель наконец. — Я услышала. Я не врач, здесь разобратся не смогу. Для занятий мне важно, можете ли вы сейчас безопасно работать и удобно ли вам расписание. Остальное вы расскажете, когда захотите.

— Я могу.

— Тогда приходите во вторник. Если будете продолжать, понадобится свой небольшой набор. Я пришлю список, не покупайте сразу всё, что предлагает магазин.

Аля кивнула. Ей не удалось добиться веры, но и доказывать ничего не потребовали. Этого оказалось достаточно, чтобы выпрямиться и спокойно застегнуть сумку.

Дина уложила её подсохшие оттиски между защитными листами и объяснила, как донести, не смяв. Вручила плоскую папку, попросив вернуть в следующий раз.

— Форму тоже забирайте. Дома посмотрите на неё без спешки.

Аля приняла маленький кусок линолеума. За несколько часов он стал гораздо легче и гораздо важнее, чем утром.

Роман ждал во дворе мастерской. Стоял возле стены, держа в руке сложенную куртку. На нём была вчерашняя голубая рубашка и новые ботинки. Аля остановилась у двери.

— Ты почему здесь?

— Гулял.

— По моему адресу?

— А куда мне гулять? Ты написала, когда заканчиваешь.

Он сказал это с такой серьёзностью, что она не стала улыбаться. Подошла, подняла руку к его затылку.

— Подстригся.

— Вчера.

— Я заметила.

Она заметила ещё вечером, но тогда он стоял у плиты, а она хотела рассказать всё сразу про Римму, платья, мастерскую. Сказала только, что хорошо, и принялась объяснять, почему не успела пообедать. Теперь ей было досадно, что мужу пришлось напоминать.

Роман кивнул на папку.

— Получилось?

— Плохо.

— Покажешь?

Она нашла сухую скамью, осторожно раскрыла папку. Муж сел рядом. Аля достала второй отпечаток, держала за края, чтобы ветер не подхватил.

Роман долго рассматривал.

— Ножницы.

Она почувствовала неожиданную радость: он узнал без объяснения.

— Сломанные, — сказала она.

— Вижу. Возле винта. Ты так задумала?

— Нет. Рука соскочила.

Он кивнул, продолжая смотреть. Аля ждала, что он сейчас скажет «всё равно красиво». Он не сказал.

— Вот ручка хорошо вышла. Как у твоих.

— Я их и рисовала.

— Значит, похожа.

Аля убрала лист, села рядом с мужем и вдруг почувствовала, как сильно устала. Не хотелось ни готовить, ни объяснять дочери, ни отвечать на вопросы о здоровье. Хотелось сидеть на скамье, знать, что сейчас не надо вставать, и чтобы муж не торопился домой.

— Пойдём куда-нибудь поедим? — спросила она.

Роман уже открыл рот, наверное, собираясь напомнить про суп. Потом закрыл.

— Пойдём.

Он потянулся за папкой, но Аля оставила её у себя: краска, Дина велела не прижимать. Муж не стал спорить. Просто пошёл рядом, медленнее, чем она могла бы идти теперь, и Аля впервые за эти дни не заметила разницы в шаге.

Глава 7. Пойдём пешком

В кафе Аля села лицом к окну. Роман устроился напротив, положил куртку на соседний стул и сразу взял меню, хотя у входа уже успел прочитать всё на доске.

Аля ещё чувствовала пальцами сопротивление линолеума. Большой палец слегка покраснел там, где упиралась ручка инструмента. Ей нравилось это новое утомление. Оно было маленьким, заработанным за день и не требовало вспоминать, сколько лет ей исполнилось.

— Что будешь? — спросил Роман.

— Не знаю.

— Тут суп есть.

Она подняла на него глаза.

Он улыбнулся.

— Шучу. Смотри дальше.

Она выбрала рыбу, потом поменяла на пасту, которую никогда здесь не пробовала. Роман заказал котлету с картофелем. Официант записал, спросил о напитках и отошёл. Ничего необычного не произошло. Аля поймала себя на том, что ждала хотя бы взгляда, какой-нибудь заминки при слове «вам». Люди продолжали есть, разговаривать, искать телефоны в карманах. За соседним столом мужчина пытался отломить кусок хлеба одной рукой, не прерывая разговора. Его спутница устало подвинула к нему тарелку.

Аля перевела взгляд на мужа. Он тоже смотрел на соседей.

— Что?

— Ничего. Он сейчас всё уронит.

Хлеб упал на пол. Роман опустил глаза в меню, скрывая улыбку.

Аля рассмеялась. Сначала тихо, потом уже не могла остановиться. Муж шикнул на неё, но сам смеялся. Сосед оглянулся, и им пришлось сделать вид, что они говорят о своём.

Когда принесли еду, Роман развернул салфетку и положил на колени. Аля заметила на его запястье бледный след от часов. На старой коже он был виден сильнее. Она вспомнила свои часы, оставленные дома, и вдруг подумала, что муж тоже когда-то мог легко обходиться без всех этих мерок, отметин, предметов, которые закреплялись на теле годами.

— Тебе удобно в новых? — спросила она.

Он вытянул одну ногу под столом.

— Пока да. Только жалко сразу по городу.

— А куда их беречь?

— Вот именно.

Он сказал это с таким видом, словно сам давно спорил с собой и наконец нашёл свидетеля. Аля поддела вилкой пасту. Соус оказался вкуснее, чем она ожидала, и она предложила мужу попробовать.

Он отказался, затем всё-таки взял кусочек с её тарелки. Она посмотрела, как он жуёт. Улыбнулась.

— Ну?

— Нормально.

— Тебе всё нормально.

— У меня котлета, я ей верен.

Аля чуть не подавилась. Он протянул воду, и на мгновение всё стало прежним: его рука уже рядом с нужным предметом, её собственная поднята, чтобы отмахнуться, оба знают, что произошло и чем закончится. Затем он задержал пальцы возле её ладони. Не убрал, хотя стакан она уже взяла.

Аля осторожно повернула руку и коснулась его пальцев своими. Они посидели так несколько секунд. Потом Роман первым вернулся к еде, но теперь двигался свободнее.

Разговор о занятии растянулся до чая. Аля объясняла, как краска оставалась только на выступающих местах, показывала на столе, где она вырезала лишнее. Роман слушал внимательно и один раз спросил, нельзя ли сделать вставку. Она сказала, что не хочет спасать именно этот кусочек любой ценой, проще вырезать заново.

— Тогда понятно, — ответил он.

— Что понятно?

— Почему ты мне полжизни говоришь: выброси и купи новое.

— Я не про тебя говорила.

— Я тоже про чайник.

Аля замолчала. Муж смотрел на неё спокойно, но шутка уже осталась между ними, зацепив что-то обоим известное. Он потянулся к сахару, взял один пакетик и передумал.

Она накрыла его руку своей.

— Рома. Я всё ещё про ножницы.

— Знаю.

Он не отнял ладонь. Аля тоже не торопилась. Мимо прошёл официант, поставил на соседний стол десерт. Мужчина, уронивший хлеб, теперь фотографировал пирожное, а его спутница смотрела на ложку у себя в руке и явно считала, сколько ещё ждать.

Роман заметил это, и Аля поняла по его лицу, что он хочет пошутить. Она сжала пальцы чуть крепче. Он улыбнулся уже ей.

После кафе они пошли к Каме. Роман предложил вызвать машину, но Аля попросила немного пройтись. Он согласился, только предупредил, что «немного» у них обычно незаметно превращается в возвращение из другого района.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.